

СУБЪЕКТНО-ОБЪЕКТНАЯ СФЕРА В ЖАНРОВОМ ЦИКЛЕ «ПСАЛЬМЫ ДАВИДАВЫ» Р. БОРОДУЛИНА

Проблема поэтических контекстовых образований как *художественной целостности* нашла свое отражение в отечественном и зарубежном литературоведении еще с середины XX века и представляет собой целый комплекс теоретических знаний. Наряду с проблемой определения сущности данного явления (жанр, метажанр, контекст и т.д.), его типологий, в литературоведении ставился и ставится вопрос о соотношении таких понятий, как *книга стихов, сборник стихов, цикл, ансамблевое единство, серия и т.д.*

Актуальным остается и вопрос коммуникации в контекстовых формах. В своей статье мы рассмотрим «жанровый цикл»¹ «Псалмы Давидавы» Рыгора Бородулина с точки зрения проблемы коммуникации. В частности, в поле зрения нашего исследования входит изучение коммуникативного потенциала субъектно-объектной сферы поэтического макротекстового образования. Теоретически важным для нас являются критерии классификации лирических циклов, предложенные Л. Е. Ляпиной и О. В. Мирошниковой (напр., «по степени универсальности», «степени авторизованности замысла, художественной цельности», «по типу субъектных отношений»). По мнению О. В. Мирошниковой, проблема коммуникации в контекстовых формах в современном литературоведении проработана мало. Тем не менее, как отмечает автор, сами «поэты с разной степенью сознательности всегда были ориентированы либо на «друга в поколении», либо на «читателя в потомстве», чаще же всего – на того и другого» [3, с. 22].

В качестве проблемы в литературоведении выступает и феномен *метафизической поэзии*, поскольку, в первую очередь, существует терминологическая практика ставить в один синонимический ряд следующие понятия: *духовное, религиозное, метафизическое, метареальное* (применительно к поэзии отдельных авторов 70-90-е гг. XX в.).

По мнению Е. А. Иконниковой, «типологическое различие между «свободным» метафизическим и «связанным» религиозным по большому счету условно; <...> разведение этих типов необходимо не в преломлении к художественному тексту, но в отношении к формам авторского мировоззрения, духовной принадлежности...» [3].

Исследователь считает, что в понятие «метафизическое» входит и религиозное, и собственно метафизическое. Другими словами,

---

1 Ляпина, Л.Е. Циклизация в русской литературе XIX века. – СПб.: НИИ химии СПбГУ, 1999. – С. 28.

метафизическое «есть одна из форм человеческого бытия, с одной стороны, предшествующая религиозному, с другой – вбирающая его в себя» [3]. В своей работе мы будем придерживаться термина *метафизическая поэзия*, имея в виду и религиозную поэзию как таковую. Теоретическую базу статьи составили труды И.В. Романовой, О.В. Мирошниковой, Л.Е.Ляпиной.

При анализе субъектно-объектной сферы макротекстовой структуры мы использовали следующую классификацию образов субъекта: «я» повествующее, «я» повествуемое, «мы» инклюзивное, «мы» эксклюзивное, «мы», означающее самого говорящего (нейтральное)².

Жанровый цикл Р. Бородулина «Псалмы Давидавы» входит в состав сборника «Ксты» и представляет собой 40 поэтических переложений псалмов. В роли «чужого слова» в каждом переложенном псалме цикла выступают эпиграфы, взятые из Псалтири, поэтому сюжеты переложений строятся на их связи с отдельными фрагментами Псалтири Давида. Изучению субъектно-объектной сферы псалтырной поэзии посвящена диссертационная работа Т. Г. Доссэ «Специфика субъектно-мотивированной поэтической природы жанра переложений псалмов в русской литературе» [2]. Автор, опираясь на теорию Б. Кормана, предлагает следующие характеристики субъекта в жанре переложения псалмов:

1) диалогическая природа жанра определяется не только особым взаимодействием и взаимовлиянием Высшего, коллективного сверхличного и личного сознаний, но и внутренним диалогом автора с самим собой как с творцом и читателем.

2) внутренний диалог в псалме – это борьба личностного с авторитетной точкой зрения Псалтири за собственную ценность чувств. Поэтому именно в жанре стихотворных переложений псалмов рождаются субъектно-субъектные отношения автора и героя.

3) в жанре переложения псалмов выявлено два субъекта речи и сознания (автор-интерпретатор и «сам» псалом в ипостаси псалмопевца) и два объекта (жизнь царя Давида и его народа, и жизнь автора и его эпохи), которые и дистанцируются, и совмещаются в процессе интерпретации через призму религиозно-философского осмысления.

Жанровый цикл «Псалмы Давидавы» в большой степени выступает как внесубъектное макротекстовое образование, т.е., лишенное повествующего эксплицитного «я», поэтому обладателем авторских функций является «я» повествующее имплицитное. Основными средствами выражения *имплицитного* «я» повествующего в этих переложениях являются: **риторические вопросы**: «Хто заўважыць, што ў душы пераважае?» («У вуснаў ёсць дамова с языком»); «Як жа пагоркам з маленства ўцячы?» («Горы ўгарбелі, мір несучы»), «Не плоцячы вечнаму смутку /

---

2 Подробнее об этой классификации см.: Романова, И.В. Поэтика Иосифа Бродского: Лирика с коммуникативной точки зрения. – Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2007. – С. 23–35.

Мыты, / Прашу спагады ў наступнага дня. / Малюся, Самым сабою забыты. / А можа, успомніць мяне вышыня?» («Вячэрнюю ахвяру прыношу»); **обращения**: «Дзякую, Ёсявышні, Табе / За кожную хвілю, / За кожную зморшчыну на ілбе...»; «Госпад! / Дазволь мне Цябе баяцца. / Покуль баюся жыву» («Светлая боязь душу ахінае»); **местоимения 2 лица единственного числа** (одновременно вступают как средство выражения адресата): *Ты, Табе, Твайму*, і г.д.; **глаголы повелительного наклонения**: «Аслані / даланей дабрыні, / абарані нашыя карані, / ахіні плашчом вышыні»; **частицы**: *хай, няхай, давай*. Например: «Хай ў радне, / Таму й раднейшыя / Бываюць ідалы свае» [1, с. 84].

Повествующее «я» «Псальмаў Давідавых» наделено особыми характеристиками. Перед нами субъект с явно выраженной системой нравственных ценностей, с одной стороны, и субъект, являющий собой саму систему ценностей, с другой стороны: «Я»=истина или «я» в истине. В первых двух переложениях точка зрения «я» повествующего основывается на осуждении *неживого, чужого, неестественного, безбожного*, что нарушает заповедь любви: «Не сотвори себе кумира»; противопоставляется *чужое/родное* идолопоклонство. Позицию «я» можно охарактеризовать как позицию национального псалмопевца: «На гонях родных / Рунь рунейшая. / Свой страх тужэй ратугу ўе. / Хай у радне, таму й раднейшыя / бываюць ідалы свае» («Чужыя ідалы халодныя») [1, с. 84–85].

В следующих двух переложениях «У вуснаў ёсць дамова с языком», «Не ўзвышэнне сябе самога» перед «я» повествующим объект – внутренний мир человека, его автодиалог о соотношении слова, мысли и языка, нравственная проблема смирения перед Промыслом Божиим: Не ўзвышэнне сябе самога, / А ўзвышэнне з самога сябе – / Непадсільная перамога / У няскончанай барацьбе. [1, с. 87].

При этом в двух представленных переложениях происходит динамика образа субъекта цикла: «я» повествующее заменяется на «мы» эксклюзивное, благодаря изображению внутритекстового адресата – ты-ближний («Душа. / Яна твая табе чужая»): «Часовыя, / Не ведаем, калі / Душа пакіне нас...» [1, с. 86]; «Мелкія ў сучышэння кішэні, / Хто не клаў у іх, той дастае. / Узвышаймася. / Бо на ўзвышэнне/ Вышыні ў нябёсаў стае!» [1, с. 87]. Таким образом, объектный план двух переложений сводится к изображению внутреннего мира человека, а образ субъекта речи «я» отождествляется с образом-субъектом «мы».

Специфика «Я» повествующего в бородулинском цикле заключается в том, что сакрализация действительности, которой живет «я», связана в первую очередь с мировоззрением автора, а не с текстом псалтири, с его отношением к Родине, греху, Богу. К тому же в текстах цикла по частоте употребления на первом месте находится нарративное «я» имплицитное, а на

втором – «я» повествующее эксплицитное, выраженное в форме местоимения 1 л. ед. ч. или в форме глаголов 1 л., ед.ч.: «Я да скону ў палоне Тваім,/ І пасля / Папрашуся застацца...» («Ты са мною») [1, с. 91]; «А Табою малюся, / А Табою смялею й баюся, / А Табою дазволены жыць, / Паміраю й живу...» («Бачу вочы Твае») [1, с.106].

В центре внимания субъекта в переложениях «Руйнуе нявечны час», «Дні на зямлі твае» образы³ (мотивы) *разрушения и быстротечности*, при этом коммуникативная модель стихотворений строится не по принципу субъект-субъект, а по принципу субъект-объект, так как в объектный план стихотворения включен и образ Бога: «Пакінуў іх Бог для ўспамінаў / Пра страчаны рай да пары» («Руйнуе нявечнае час») [1, с. 88] Поэтому субъект ориентируется на эксплицитного псалтырного адресата (неопределенно-личное «ты»: ты, я, каждый) и указывает на его присутствие: «Ты знікнеш – / Не заўважыцца прапажа»; «Твой цень апошні / Цемра ахіне»; «А ты / Не ведаеш ні захаду, ні ўсходу».

Образ субъекта речи, наделенный характеристиками образа псалмопевца и выраженный в форме «я» повествующего эксплицитного, впервые появляется в переложении «Ты са мною...», где объектом изображения является диалог со Сверхадресатом. Речь «я» псалмического основана на восхвалении образа Сверхадресата: «Ты са мной, / Каб не быў я ў самоце нідзе. / Ласка Твая маладая / Ад знянацкай надзеі. / Кара Твая відушчая ведае, / Дзе / Жыве дабрыня, / Дзе ліха лішаць ліхадзеі» [1, с. 91]. В следующих двух переложениях субъектом речи снова становится «я» имплицитное, а объектом – образы *правды и плача*. В переложениях «Усынаві наной», «Дзякуй, Усявышні, Табе...», «Бачу вочы Твае», «Слаўлю Цябе» объектный план стихотворений строится на развертывании диалога между псалмическим «я» и эксплицитным *Сверхадресатом* «Ты». При этом в одном случае субъектом речи является эксклюзивное «мы», обозначающее совокупность просящих людей, а во втором – эксплицитное «я», выступающее в роли благодарной личности. В контексте национальной белорусской идеи Бородулинское «мы» и «я» связаны с идеей белорусского народа, с которым отождествляет себя субъект речи, поэтому метафизическая коммуникация цикла приобретает черты национальной поэтики: «Зняверлівых / Ад нас адмяжуй. / Памяркоўнасць нашую / На крыжы / Укрыжуй!» [1, с. 94]; «Дзякую, Ўсявышні, Табе «...» / За тую зямлю, / Дзе люблю й не люблю, / «...» За маміны вочы, За ўсё, што было / І што не было, / Дзякую, Ойча... » [1, с. 95].

---

3 О соотношении образа и мотива в лирическом тексте см: Ярхо, Б.И. Методология точного литературоведения (набросок плана). – М., 1984. – 236 с.

Лирическая внутримакротекстовая коммуникация осуществляется не только благодаря дискурсивным стратегиям «я» говорящего по отношению к адресатам, но и благодаря объектному плану переложений, в котором помимо образов *правды, Бога, человеческих пороков* наличествуют метафорические ветхозаветные образы⁴: *вестка-сарока; поўня- поўнае вока; вока-мора, дні чалавечыя - човен вады, яліны-зяленыя скініі* («Бачыць далей маладое вока», «Прыгоршчамі маладзіка й веташка» і г.д.).

В двух переложениях, одинаковых по структуре, «Адзінокая птушка на даху», «Вячэрнюю ахвяру прыношу», коммуникативным ядром стихотворений являются образы-объекты: *птица и жертва*. Субъект отождествляет себя с «адзінокай птушкай на даху» и с человеком, приносящим жертву, поэтому благодаря рефренам: «адзінокая птушка на даху» и «вячэрнюю ахвяру прыношу» «я» повествующее представлено в качестве одинокой, богобоязненной личности.

В последних переложениях цикла объектами изображения являются образы (мотивы) *сна, смерти, вечера, прошлого, чужой земли, белорусского народа*. Поэтому субъект речи в предпоследнем переложении выступает в качестве не псалмопевца, а национального поэта: «Ім роднага бацьку / Заменіць айчым, / Якога палюбяць / За скібку хлеба. / Па звычцы / Яшчэ патурбуе патрэба / Назвацца народам. / Але якім?» [1, с. 121].

Внесубъектность, по принципу которой начинался жанровый цикл, сохраняется в последнем переложении цикла «Бог уздыхнуў». Объектный план стихотворения строится на изображении *сотворения мира, Бога-Творца и пророчества о вознесении Христа*: «Бог уздыхнуў / Над стварэннем слабым. / Бог уздыхнуў – / І ўдыхнуў дыханне. / Дым, як туман, / І туман, як дым, / Папераблыталіся ў тое ранне. / Першая недзе звінела аброць. / Конь неаб'езджаны / Цешыўся з волі. / І, чалавека пакінуўшы доле, / Сумна / Падаўся ў неба Гасподзь» [1, с. 122].

Таким образом, анализ субъектно-объектной сферы цикла Р. Бородулина «Псалмы Давідавы» помог проследить динамику сюжетных образов макротекста и выявить, что:

1. коммуникативная целостность цикла осуществляется за счет субъектно-объектной сферы, представленной разными типами субъекта («я» повествуемое, «я» повествующее, «мы эксклюзивное») и разными типами адресата (эксплицитный адресат и Сверхадресат);

2. на уровне коммуникативной структуры цикла обнаруживается переход от внесубъектности (или имплицитной субъективности) к субъективности (от я к мы), и снова к имплицитной субъективности), за счет чего реализуется авторская задача изобразить субъекта речи как

---

4 О понятии образа см: Павлович, Н.В. Язык образов. Парадигмы образов в русском поэтическом языке. – М.:URSS, 2004. – 528 с.

национально-религиозного псалмопевца, выражающего не только свою точку зрения, но и точку зрения истины;

3. специфика «Я» повествующего в бородулинском жанровом цикле заключается в том, что сакрализация действительности, которой живет «я», связана, в первую очередь, с национальным мировоззрением автора (его отношением к Родине, греху, Богу), благодаря осмыслению библейской истины.

Литература

1. Барадулін, Р. Ксты / Р. Барадулін. – Мінск: Рымска-каталіцкая парафія святога Сымона і святой Алены, 2006. – 528 с.
2. Доссэ, Т. Г. Специфика субъектно-мотивированной поэтической природы жанра переложений псалмов в русской литературе: автореф. дис...канд. фил. наук: 10.01.01 / Т. Г. Доссэ [Электронный ресурс]; Ярославский государственный педагогический университет имени К. Д. Ушинского. – Ярославль, 2007. – Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/spetsifika-subektno-motivirovannoi-poeticheskoi-prirody-zhanra-perelozhenii-psalmov-v-russko>. – Дата доступа: 22.09.2015
3. Иконникова, Е. А. Типология метафизического в поэзии: на материале английской и русской литературы: автореф. дис... докт. фил. наук: 10.01.08 / Е. А. Иконникова [Электронный ресурс]. – Москва, 2002. – Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/tipologiya-metafizicheskogo-v-poezii-na-materiale-angliiskoi-i-russkoi-literatury> – Дата доступа: 22.09.2015
4. Мирошникова, О. В. Анализ и интерпретация лирического цикла: «Мефистофель» К. К. Случевского: учеб. Пособие / О. В. Мирошникова. – Омск: Омск. гос. ун-т, 2003. – 138 с.